

А. Д. МИХАЙЛОВ

**К творческой истории «Фьямметты»
и «Фьезоланских нимф»**

1

Боккаччо завершил «Элегию мадонны Фьямметты» — таково полное название книги* — в 1343 г., сразу же следом за «Любовным видением» и непосредственно перед созданием «Фьезоланских нимф». Прошедшие с той поры шесть веков не сохранили нам ни подготовительных набросков автора, ни белой авторской рукописи книги. Как известно, автографов Боккаччо сохранилось немного; отметим, быть может, самый значительный из всех — рукопись поэмы «Тезеида», датированную 1340–1350 гг.** Поэтому применительно к «Фьямметте» речь должна идти лишь об источниках книги и о ее бытовании — первоначально в рукописной, а затем в печатной традиции.

Нет нужды подробно говорить об автобиографической основе «Фьямметты» — об этом уже писали, в том числе и сравнительно недавно***. Так как документальных материалов о жизни Боккаччо сохранилось относительно мало, то обычно историю его жизни конструируют по его же книгам. В этом смысле «Элегия мадонны Фьямметты» дает особенно много: неаполитанский период жизни писателя, его увлечение Марией д'Аквино — все это, несомненно, отразилось в повести. Но вряд ли можно все воспринимать буквально: мы не знаем, как развивались отношения Джованни и Марии, так же не ясна и причина их разрыва, внезапного и окон-

* Просто «Фьямметтой» книга впервые названа в венецианском издании 1491 г.

** О ней ниже будет сказано особо.

*** См. D. Rastelli. *Le fonti autobiografiche nella «Fiammetta»*. — «Humanitas», vol. III, 1948.

чательного*. Интересно здесь отметить другое: свои переживания неожиданно покинутого возлюбленного Боккаччо переадресовывает их виновнице, создав как бы обратную, перевернутую ситуацию. Личная любовная драма позволила Боккаччо столь правдиво передать переживания его героини, выходя за рамки прямого подражания античным образцам, хотя этих подражаний и немало в книге. Небезынтересно в этом отношении сопоставить с повестью коротенькое посвящение Фьямметте другого произведения писателя — его поэмы «Тезеида», созданной несколькими годами ранее. И по теме, и по стилю, даже по ритму это посвящение очень напоминает прозу «Фьямметты», особенно ее пролога и заключительной главы. Но здесь уже сам Боккаччо упрекает, жалуется, молит и надеется.

Образ Фьямметты проходит через все творчество Боккаччо — она одна из героинь «Филоколо» и «Амето», едва ли не главная рассказчица «Декамерона»**, основная, если не единственная, вдохновительница его «Канцоньере»***. Но это не та доверчивая, неопытная и непосредственная в своем чувстве возлюбленная, образ которой так мастерски обрисован в «Элегии».

Марию д'Аквино Боккаччо никогда не забывал, но с созданием «Элегии мадонны Фьямметты» для него она превращается в литературный персонаж, что, между прочим, несомненно помогло поэту залечить свою любовную рану. Известное замечание А. Н. Веселовского («Фьямметта — литературное переживание психологическо-

* Правда, ряд ученых путем сопоставления повести и лирики Боккаччо уже давно стремились установить «хронологию» их романа (см. сводку этих материалов: А. Н. Веселовский. Собр. соч., т. V. Пг., 1915, стр. 643–658).

** В «Декамероне» она рассказывает следующие новеллы: I, 5; II, 5; III, 6; IV, 1; V, 9; VI, 6; VII, 5; VIII, в; IX, 5; X, 6. Но анализ их содержания в сопоставлении с содержанием и стилем новелл, вложенных в уста других рассказчиков, ничего не дает ни для выяснения реальных отношений писателя с Марией д'Аквино, ни для более полной характеристики героини повести. А вот ее портрет из «Декамерона» (конец четвертого дня): «Вьющиеся, длинные и золотистые волосы Фьямметты падали на белые, нежные плечи, кругленькое личико сияло настоящим цветом белых лилий и алых роз, смешанных вместе; глаза — как у ясного сокола, рот маленький, с губками, точно рубины».

*** Фьямметте — Марии посвящены, очевидно, очень многие стихотворения из «Канцоньере», хотя названа она лишь в четырех сонетах и еще одной пьесе. Нью лирика автора «Декамерона» еще плохо изучена, здесь еще могут быть выявлены ошибочные датировки и спорные атрибуции; нет еще детального и аргументированного комментария к стихам (см. V. Branca. Note sullo tradizione e il testo delle «Rime» — в его кн.: «Tradizione delle opere di Giovanni Boccaccio». Roma, 1958, p. 243–329).

го момента, который перестал тревожить сердце, но продолжает занимать воображение» * правильно лишь отчасти, — в исповеди Фьямметты еще очень много неподдельной боли самого Боккаччо. Лишь позже — в «Нимфах» и «Декамероне» — эта боль стихает.

У книги Боккаччо немало литературных источников. Очень заманчиво сопоставить «Элегию мадонны Фьямметты» с «Новой жизнью» Данте, что и было в свое время сделано**, однако сопоставление это мало что могло объяснить в генезисе боккаччиевой повести. В. Крешини*** указал на более вероятный источник — на «Героиды» Овидия. Эта вполне обоснованная точка зрения (которую затем никто и не опровергал) подтверждается, между прочим, таким, казалось бы, незначительным фактом: одна из сохранившихся рукописей повести находится в том же кодексе Лауренцианы (cod. Pluteo XLII, 8), который содержит прозаический итальянский перевод овидиевых «Посланий». Кодекс этот помечен 1422 г. Нам кажется, что это не случайно: в сознании современников и ближайших потомков Боккаччо эти две книги — «Героиды» и «Фьямметта» — воспринимались как родственные друг другу.

Тот же В. Крешини**** обратил внимание на близость диалогов Фьямметты и кормилицы из повести Боккаччо и Федры и кормилицы из «Федры» Сенеки. Эти наблюдения были затем значительно углублены М. Серафини*****, нашедшим в тексте книги параллели другим трагедиям современника Нерона.

Но литературные связи «Фьямметты» далеко выходят за пределы подражаний творениям Овидия и Сенеки^{6*}; в этой книге писатель выступает во всеоружии своей классической образованности, еще

* А. Н. Веселовский. Собр. соч., т. V, стр. 438.

** R. Renier. *La Vita nuova e la Fiammetta*. Torino e Roma, 1879.

*** V. Crescini. *Contributo agli studi sul Boccaccio*. Torino, 1887, p. 156–160.

**** Там же, стр. 160–162. См. также: V. Crescini. *Il prima atto della Fedra di Seneca nel primo capitolo della Fiammetta del Boccaccio*. Venezia, 1921.

***** M. Serafini. *Le tragedie di Seneca nella «Fiammetta» di Giovanni Boccaccio* «Giornale Storico delle Letteratura italiana», vol. CXXVI, 1949, p. 95–105.

^{6*} К сожалению, нам не удалось познакомиться с наиболее свежей работой по этому вопросу, принадлежащей перу уже упоминавшегося Д. Растелли, как и с еще одним его исследованием, чрезвычайно важным для нашей темы: D. Rastelli. *Le fonti letterarie del Boccaccio nelV «Elegia di Madonna Fiammetta» «Saggi di Umanesimo cristiano»*, 1949; D. Rastelli. *VElegia di madonna Fiammetta. Il mito mondano e la caratterizzazione psicologica della protagonista*, Pavia, Tip. del Libro, 1950. Нам была доступна только следующая работа: D. Rastelli. *Notizie storiche e bibliografiche sulla composizione e snlla fortuna dell' «Elegia di madonna Fiammetta» e del «Ninfale fiesolano»*. —

более подчеркнутой в авторских примечаниях к повести. Эти примечания, опубликованные лишь в 1939 г. В. Перниконе*, находятся на полях одного из самых ранних списков «Фьямметты» (конец XIV в.). Принадлежность этих примечаний автору книги является до сих пор предметом ожесточенного спора (авторство Боккаччо решительно и упорно отвергает А. Э. Квальо**). Очевидно, вопрос этот нельзя считать решенным окончательно. Но В. Перниконе провел атрибуцию весьма убедительно: он сопоставил примечания к «Фьямметте» с аналогичными примечаниями, содержащимися в авторской рукописи поэмы «Тезеида»***. Ряд из них совпадает почти дословно****, другие же, комментирующие одних и тех же мифологических или исторических персонажей, значительно отличаются друг от друга. Не совсем понятно, почему комментатор (он же переписчик?) конца XIV столетия одни примечания попросту списал из автографа «Тезеиды», другие же составил сам; в то же время вполне ясно, зачем Боккаччо, комментируя спустя несколько лет свое произведение, повторяет свои примечания, кажущиеся ему наиболее удачными, другие же перерабатывает, причем переработка эта чаще всего ведет к сокращению примечания, к некоторому «высушиванию» его. Да, напряженная, взволнованная, построенная на смене сложных периодов проза «Фьямметты» отличается от примечаний к ней, но, думается, именно таким и был замысел автора.

Рукописная история «Элегии мадонны Фьямметты» сложна и запутанна. Первую попытку классификации многочисленных списков повести Боккаччо сделал В. Перниконе при своем издании книги*****. Следующую сводку сохранившихся рукописей дали почти одновре-

«Annali della Biblioteca Governativa e Libreria Civica di Cremona» (1951), vol. IV, fasc. 2. Cremona, 1952.

* G. Boccaccio. L'Elegia di madonna Fiammetta. Con le chiose inedite. A cura di V. Pernicone. Bari, 1939, p. 173–212. См. также: V. Pernicone. Sulle chiose all'Elegia di madonna Fiammetta del Boccaccio. — «Leonardo», vol. XII, 1941.

** A. E. Quaglio. Le chiose alV «Ellegia di Madonna Fiammetta». Padova, 1957.

*** Направление развития прозы Боккаччо в примечаниях «Тезеиды» хорошо проанализировано А. Лиментани (A. Limentani. Tendenze della prosa del Boccaccio ai margini del «Teseida». — «Giornale Storico della Letteratura italiana», vol. CXXXV. 1958, p. 524–551.

**** Указ. соч., стр. 249–253.

***** Указ. соч., стр. 233–242.

менно В. Бранка* и А. Э. Квальо**. Последний, путем сопоставления всех существующих списков по методу «общих ошибок», составил их генеалогическую схему. Она довольно сложна. Положенный в ее основу механистический метод, справедливо оспоренный в нашей науке***, привел к ряду несуразностей, когда, например, более ранний список оказывается на более отдаленной ветви схемы, чем список более поздний. На основании этого анализа Квальо во многих местах оспорил текст Перниконе, но предложенные им эмендации не приняты еще в новейших изданиях книги.

Обилие сохранившихся списков «Элегии» — а это говорит о ее чрезвычайной популярности (лишь списков «Декамерона» сохранилось больше), — серьезно запутало и осложнило печатную традицию «Фьямметты».

Впервые книга была издана в 1472 г. в Падуе с латинским титульным листом (*Iohannis Boccacii Viri eloquentissimi ad Flamettam Panphyli amatricem libellus materno sermone aeditus*) и с латинскими же подзаголовками перед многочисленными параграфами, на которые был разбит текст повести. В XV в. вышло еще четыре издания книги, в том числе венецианское 1481 г. с интересным послесловием некоего Иеронимо Скфарцафико, который попытался объяснить замысел Боккаччо и рассказать о причинах и условиях написания «Элегии». В 1497 г. книга была переведена на испанский язык (в 1532 г. вышел французский перевод, а в 1587 г. — английский).

В XVI в. книга переиздается около 40 раз. Из всех этих многочисленных перепечаток следует остановиться только на двух: на флорентийском издании 1517 г. и венецианском — 1524 г. Первое было напечатано Филиппо ди Джунта и открывалось посланием Бернардо ди Джунта к Козимо Ручеллаи. Автор послания подчеркнул прежде всего назидательный характер повести Боккаччо. Для него «Фьямметта» — это пример того, как опасно предаваться любовной страсти. Вместе с тем он отметил в книге хороший ита-

* V. Branca. Tradizione delle opere di Giovanni Boccaccio. Roma, 1958, p. 30–36. Дополнено в «Studi sul Boccaccio», vol. I. Firenze, 1963, p. 18.

** A. E. Quaglio. Per il testo della «Fiammetta». — «Studi di Filologia italiana», vol. XV. Firenze, 1957, p. 5–205 (см. особенно стр. 5–35). Это самый подробный анализ сохранившихся списков книги.

*** См., например, Д. С. Лихачев. Кризис современной зарубежной механистической текстологии — «Известия АН СССР», ОЛЯ, т. XX, 1961, стр. 274–286.

льянский язык, занимательный сюжет, вообще считал ее полезным и приятным чтением.

Издание Джунти не повторяло предыдущих, а было подготовлено по рукописям, причем Филиппо и Бернардо ди Джунти весьма тщательно готовили текст, сверяя несколько бывших в их руках манускриптов. Это издание было несколько раз повторено в течение века, но, к сожалению, не оно стало основным для двух последующих столетий.

Наиболее популярным стало издание, осуществленное в 1524 г. в Венеции местным издателем Гаэтано Тиццоне. Об этом предприимчивом человеке с весьма своеобразными приемами публикации текстов существует уже специальная литература*. Свое издание «Фьямметты» мессер Тиццоне предварил восторженным посвящением Доротее ди Гонзага, в котором он обещал «исправить Фьямметту» и сокрушался, что это трудное и хлопотное дело. Он указывал, что повесть побывала в руках многочисленных переписчиков и издателей и все-таки осталась грубой и неотесанной. Он же стремился сделать ее доступной «мужчинам и дамам, каково бы ни было их общественное положение». Прежде всего Тиццоне превратил девять глав «Элегии» в семь «книг», приблизительно одинаковых по объему. Положив в основу своего издания «джунтину» 1517 г., а также, очевидно, воспользовавшись какими-то рукописями и изданием конца XV в. (так называемое «издание без даты»), Тиццоне «исправлял» текст, так как попросту не везде разобрался в сложном синтаксисе Боккаччо. Некоторые места повести ему показались довольно темными, и он их переработал на свой вкус. Вообще, весь текст книги пестрит всевозможными интерполяциями, поновлениями и пропусками. Делалось все это, конечно, с добрыми намерениями, очень тщательно и с большой затратой труда. Тиццоне был человеком опытным и проницательным, и ему удалось верно подметить несколько ошибок предыдущего издания и исправить их. Но в целом издание его искажало текст Боккаччо в значительно большей степени, чем флорентийское издание 1517 г.

* См. указ. соч. В. Перниконе (стр. 223–228), см. также: А. Е. Quaglio. Per il testo della «Fiammetta», p. 141–143; N. Vianello. Per il testo delle «Stanze» del Poliziano: Vedizione del 1526. — «Lettere Italiane», vol. VII, 1955, p. 330–342; V. Pernicone. L'edizione tizzoniana delle «Stanze» nel Pitiziano. — «Giornale Storico della Letteratura italiana», vol. CXXXIII, 1956, p. 226–236; А. Е. Quaglio. Prime correzioni al «Filecolo»: del testo di Tizzone verso quello del Boccaccio. — «Studi sul Boccaccio», vol. I. Firenze, 1963, p. 27–252.

Все многочисленные издания XVI в.* — и довольно редкие двух последующих веков** — либо повторяли текст Тиццоне, либо контаминировали его с текстом Джунти. То же можно сказать и об изданиях начала XIX в. Лишь в 1829 г. Игнацио Мутье в очередном томе своего собрания сочинений Боккаччо (*Opere volgari*) вернул текст повести к его первоначальному виду, обратившись к изучению ряда списков «Элегии». В тексте Мутье было, однако, немало ошибок, объяснявшихся как общим невысоким уровнем текстологической науки того времени, так и недостаточно критическим отношением к предыдущим изданиям. Тем не менее издание Мутье в течение целого столетия оставалось наиболее достоверным по тексту (популярное, не раз повторенное издание П. Фанфани 1859 г. возвращало текст «Фьямметты» к контаминациям Джунти — Тиццоне).

В 1939 г. появилось уже не раз упоминавшееся издание В. Перниконе, основанное на вдумчивом и тщательном сопоставлении 34 манускриптов, в нем впервые опубликованы авторские примечания к повести. Текст Перниконе лег в основу большинства последующих переизданий, в том числе и хорошо комментированного издания 1952 г.*** Ф. Аджено, следующий издатель «Фьямметты» (1954), в своем обстоятельном обзоре текущей «боккаччианы»**** указал на ряд просчетов Перниконе и предложил несколько новых чтений. Наконец, в 1957 г. появилась обширная статья А. Э. Квальо, о которой мы уже говорили выше. Квальо предложил более 250 поправок к тексту издания Перниконе, однако большинство его рекомендаций не введено еще в научный, а главное, издательский обиход. Издание Винченцо Перниконе остается той базой, на которой основываются все новые перепечатки «Элегии».

На русском языке книга Боккаччо была издана лишь однажды — в связи с отмечаемым 600-летием со дня рождения писателя в 1913 г. «Фьямметта» была напечатана известным петербургским издателем М. Г. Корнфельдом в переводе поэта, прозаика и драматурга Михаила Алексеевича Кузмина (1875–1936). Отметим лишь, что перевод этот создан в пору особенно сильных стилизаторских

* Отметим среди них издание 1558 г., интересное своими примечаниями, автором которых был Сансовино.

** В XVII в. было шесть изданий книги, в XVIII в. — только два.

*** G. Boccaccio. *Decameron, Filocolo, Ameto, Fiammetta*. A cura di E. Bianchi, C. Salinari., N. Sapegno. Milano — Napoli, 1952.

**** «Giornale Storico della Letteratura italiana», vol. CXXXI, 1954, p. 227–248; см. также: F. Ageno. Per il testo della «Fiammetta». — «Lettere Italiane», vol. VI, 1954, p. 154–164.

увлечений Кузмина («Куранты любви», 1911; «Осенние озера», 1912; «Третья книга рассказов», 1913; «Плавающие — путешествующие», 1915 и мн. др.); в дальнейшем (например, в своих переводах из Мериме) Кузмин отказался от нарочитого стилизаторства и манерности.

Перевод Кузмина сделан, очевидно, по одному из популярных итальянских изданий XIX в, весьма недостоверных по тексту. При подготовке настоящей книги перевод был сверен с изданием В. Перниконе и в него были внесены некоторые поправки: вставлено несколько фраз и отдельных слов, отсутствовавших в итальянских изданиях XIX века, одна фраза снята (это указано в комментариях), упорядочено написание собственных имен, изменено деление на абзацы, а также устранен ряд мелких неточностей.

2

Большинство исследователей сходятся на 1346 г. как на крайней дате завершения работы над «Фьезоланскими нимфами». Поэма была не только написана, но и задумана во Флоренции. На это указывает как чисто «флорентийская» тематика произведения Боккаччо, так и изменение отношения к Фьямметте — Марии: намек на любовное увлечение поэта, содержащийся в первой октаве, носит характер простой условности. В. Крешини считал, что поэма написана позже всех юношеских вещей, непосредственно перед «Декамероном»*. Как справедливо заметил А. Н. Веселовский, «Фьезоланские нимфы» знаменуют «выход из периода страстности к свободе художественного творчества»**. Определить время начала работы над поэмой значительно труднее. Очевидно, следует указать на 1343 г., как на наиболее вероятную дату возникновения замысла и появления первых набросков «Фьезоланских нимф».

Не приходится удивляться, что не раз делались попытки отыскать в поэме автобиографическую основу. Так, Э. Каррара*** высказал предположение, что весь эпизод с обещанной нимфой — это отражение личного любовного приключения Боккаччо: якобы молодой поэт силой заставил нарушить обет девственности монахиню одного из окрестных монастырей. Однако гипотеза эта не встретила

* V. Crescini. Contributo agli studi sul Boccaccio. Torino, 1887, p. 248–249.

** А. Н. Веселовский. Собр. соч., т. V, стр. XI.

*** E. Carrara. Un peccato del Boccaccio. — «Giornale Storico della Letteratura italiana», vol XXXVI, 1900, p. 123–130.

поддержки в научном мире; ей решительно возражали (например, А. Оветт*).

Литературные же источники изучены весьма детально. Первым на обширные заимствования из Овидия указал Кёртинг**; глубокий анализ поэмы и ее источников дал Б. Цумбини***, его значительно дополнил Ф. Маджини****, обнаруживший и чисто итальянские источники «Фьезоланских нимф». Боккаччо заимствовал у своих предшественников не сюжет поэмы. Правда, иногда полагают, что поэт пересказывает какую-то не дошедшую до нас античную или же более позднюю средневековую легенду, но большинство исследователей считает историю любви пастуха Африко и нимфы Мензолы плодом вымысла самого Боккаччо. Отдельные же мотивы, сюжетные ходы и образы найдены Боккаччо у древнеримских поэтов, прежде всего у Овидия, усердным читателем которых Боккаччо стал уже в молодые годы.

Из «Метаморфоз» и «Героид» Боккаччо черпает очень широко. Трагический исход любовной связи Африко с Мензолон заставляет вспомнить рассказанную Овидием историю Пирама и Тисбы (между прочим, в своем первоначальном виде — т. е. до обработки его Овидием — миф этот был перенесением в область человеческих отношений рассказа о двух протекающих рядом речках; Боккаччо мог, конечно, об этом знать).

Сопоставления с Овидием можно продолжить. Африко подглядывает за нимфами, как Актеон («Мет.», III, 155 сл.), Мензола рождает сына Прунео подобно тому, как нимфа Каллисто рождает от Зевса сына Аркада («Мет.», II, 409 сл.) и т. д. Мотив превращения героя в речку или ручей, собственно, центральный мотив поэмы, ибо вся она как бы служит рассказом о происхождении названий ряда местных источников, повторяется у Овидия многократно: достаточно вспомнить Киану («Мет.», V, 425 сл.), Аретусу («Мет.», V, 572 сл.), Библиду («Мет.», IX, 447 сл.), Эгерию («Мет.», XV, 487 сл.), Ациса («Мет.», XIII, 747 сл.) и др.*****

* H. Hauvette. Boccace. P., 1914, p. 169.

** G. Koerting. Boccaccios Leben und Werke. Lipsia, 1880, S. 640–641.

*** B. Zumbini. Il Ninfale fiesolano di G. Boccaccio. Firenze, 1896.

**** F. Maggini. Ancora a proposito del Ninfale Fiesolano. — «Giornale Storico della Letteratura italiana», vol. LXI, 1913, p. 32–40.

***** См. В. Я. Каплинский. К характеристике Ninfale Fiesolano Боккаччио. Саратов. 1927, стр. 7.

Что касается мотива переодевания юноши в женскую одежду, чтобы овладеть возлюбленной, то он встречается в сборнике «О любовных страданиях» древнегреческого поэта и грамматиста I в. до н. э. Парфения, а также у Павсания (II в. н. э.) в его «Описании Эллады» (кн. VIII, гл. 20), где рассказывается о том, как юноша Левкипп переделся девушкой, чтобы сблизиться с нимфой Дафной, поклонницей Дианы. Правда, Боккаччо мог знать книги Парфения и Павсания лишь в чьем-нибудь пересказе или переводе, но другое произведение, разрабатывающее аналогичный мотив, он знал хорошо. Это «Ахиллеада» Стация, в первой книге которой рассказывается, как юный Ахилл, переодевшись женщиной, жил среди дочерей царя острова Скирос Ликомеда (на этот источник Боккаччо указал Ф. Маджини*). Эпизод наказания провинившейся нимфы встречается в романе древнегреческого писателя II в. н. э. Ахилла Татия Александрийского «Левкиппа и Клитофонт», но знакомство с ним Боккаччо может быть взято под сомнение¹.

У Стация же в его «Сильвах», а также в «Буколиках» Вергилия Боккаччо нашел тот тонкий колорит деревни, то точное и поэтичное изображение сельской жизни, которыми отмечена его поэма. Значительно меньше заимствований из вергилиевой «Энеиды», из нее Боккаччо взял лишь отдельные выражения и эпитеты.

Есть в книге и отзвуки чтения Данте. Весь конец поэмы, излагающий полулегендарную историю Флоренции и Фьезоле, Боккаччо заимствовал у своего земляка флорентийского хрониста Джованни Виллани (1275–1348), у которого, как писал Ф. Маджини, «мы находим то же, что рассказывается и во “Фьезоланских нимфах”, причем часто в тех же самых выражениях»**.

Уже первые исследователи творчества Боккаччо указывали на близость «Фьезоланских нимф» к фольклору, на чисто народное звучание октав поэмы. Д. Кардуччи писал по этому поводу: «Его октава подобна девушке тосканской деревни, которая ведет рассказ то обдуманно, то беззаботно, то свободно, то сдержанно; она порой изящно обольщает нас, бросая своим слушателям остроты и улыбки»***. Аналогично высказывался и А. Н. Веселовский****. Однако эти утверждения, ставшие уже общим местом, до самого последнего времени не шли дальше лишь чисто импрессионистических

* Указ. соч., стр. 36.

** Указ. соч., стр. 40.

*** G. Carducci. Dante, Petrarca e il Boccaccio. Bologna, 1909, p. 780.

**** А. Н. Веселовский. Собр. соч., т. V, стр. 346.

впечатлений. Недавняя превосходная работа Армандо Бальдуино* действительно доказала народность языка и стиля поэмы, обнаружила заимствования из народных песен, подтвердила освобождение Боккаччо от известной риторичности и искусственности, свойственных его некоторым ранним произведениям.

В эпоху Возрождения «Фьезоланские нимфы» пользовались очень большой популярностью**. Об этом свидетельствует изрядное количество дошедших до нас списков поэмы (авторской рукописи «Фьезоланских нимф» нет)***. Так, к XIV в. относятся две рукописи, к XV в. — 40. XVI и следующие века почти не оставили нам новых списков (правда, в библиотеке Ровиго хранится список XVIII в., явно сделанный по печатному тексту). Это объясняется, конечно, распространением книгопечатания, но также и снижением интереса к поэме Боккаччо. Последнее подтверждается и анализом изданий «Фьезоланских нимф». Впервые поэма была напечатана в 1477 г. в Венеции местными типографами Бруно Валлой и Томмазо из Александрии. Следом за этой публикацией до конца века было выпущено — преимущественно во Флоренции и Венеции — еще 10 изданий книги. На первую половину XVI в. приходится лишь шесть изданий, а на вторую — уже только два (1563 и 1568)****. В XVII в. «Фьезоланские нимфы» не издавались ни разу и лишь раз — в XVIII в. (1778), да и то за пределами Италии (в Париже, но с указанием на Лондон).

Все эти издания делались без какого-либо учета рукописной традиции и без филологической критики текста. Не приходится удивляться, что текст этих изданий изобилует ошибками и произвольными поновлениями. Часто ошибки одного издания переходили в следующее. Как правило, печатники-флорентийцы брали за основу текст предыдущего флорентийского издания, венецианцы — венецианского. Так сложились две издательские традиции, впрочем принципиально друг от друга не отличающиеся. Первые издатели поэмы произвольно делили ее текст на несколько «песен»

* A. Balduino. Tradizione canterina e tonalita popolareggianti nel «Ninfale Fiesolano» — «Studi sul Boccaccio», vol. II, 1964, p. 25–79.

** S. Debenedetti. Per la fortuna della Teseida e del Ninfale Fiesolano. — «Giornale Storico della Letteratura italiana», vol. LX, 1912, p. 259–264.

*** См. V. Branca. Tradizione delle opere di Giovanni Boccaccio. Roma, 1958, p. 52–55. Позднее В. Бранка дополнил свой обзор: V. Branca. Un nuovo elenco di codici. — «Studi sul Boccaccio», vol. I. Firenze. 1963, p. 20.

**** Интересно отметить, что в 1556 г. «Фьезоланские нимфы» были переведены на французский язык Антуаном Герсен дю Кре (книга вышла в Лионе).

или «книг» (чаще всего на семь), как это сделал сам Боккаччо для «Тезейды» и «Филострато», двух других своих поэм, написанных октавами. Однако это деление не подтверждается анализом дошедших до нас рукописей.

Первым критическим изданием поэмы следует считать публикацию ее в 1832 г. в очередном томе собрания итальянских произведений Боккаччо (так называемое издание Мутье). Основанное на изданиях XV в. и на ряде рукописей, оно служило основой для всех перепечаток поэмы на протяжении XIX столетия. В начале нашего века немецкий ученый Б. Визе сначала выступил с программной статьей о тексте поэмы*, а затем осуществил и критическое издание «Фьезоланских нимф»**, избрав в качестве основного источника рукопись XV в. Флорентийской Национальной библиотеки (Palatino, 359) и приведя варианты еще по 9 из 36 доступных ему рукописей. Альдо Массера в рецензии на это издание*** указал на просчеты Б. Визе, главным образом касающиеся орфографии, пунктуации и метрики. Сам А. Массера, не претендуя на установление канонического текста, в своем издании книги Боккаччо**** перепечатал текст Б. Визе, внося в него необходимые исправления.

Винченцо Перниконе, следующий издатель «Фьезоланских нимф»*****, критически пересмотрев издания Визе и Массеры, поставил перед собой задачу установить дефинитивный текст поэмы. Он считал, что даже обнаружение новых списков не сможет отменить его текстологических решений^{6*}.

Наличие большого числа сохранившихся рукописей ставит перед текстологами немалые трудности. Прежде всего встает задача классификации этих рукописей и выяснения их генеалогии. Помимо палеографических данных (т. е. бумаги, чернил, почерка и т. п.), для этого используется широко распространенный на Западе критерий «общих ошибок». Так, Б. Визе в основу своей классифи-

* B. Wiese. Zu einer kritischen Ausgabe des «Ninfale Fiesolano» Boccaccios — «Miscellanea in onore di A. Hortis». Trieste, 1910, S. 347–362.

** B. Wiese. Das «Ninfale fiesolano» Giovanni Boccaccios. Kritischer Text. Heidelberg, 1913.

*** «Giornale Storico della Letteratura italiana», vol. LXV, 1915, p. 396–398.

**** G. Boccaccio. II Ninfale Fiesolano. Intro duzzione e note di A. F. Massera. Torino, 1926.

***** G. Boccaccio. II Filostrato e il Ninfale Fiesolano. A cura di V. Pernicone. Bari, 1937.

^{6*} Указ. соч., стр. 379. См. рецензию Дж. Контини на это издание: «Giornale Storico della Letteratura italiana», vol. CXII, 1938, p. 100–101.

кации положил отсутствие строфы 264 и обратную последовательность строф 331 и 332. В. Перниконе классифицировал рукописи по варианту стиха 5 строфы XI и по наличию в тексте поэмы перед некоторыми строфами прозаических подзаголовков. Эти подзаголовки встречаются во многих рукописях (в том числе и таких авторитетных, как манускрипты Флорентийской Национальной библиотеки — Magliabechiano 11, II, 66 — и библиотеки Риккардианы — Riccardiano 1083), в тех же случаях, когда этих подзаголовков нет, их места обозначены пробелами, т. е. изготовлявшие ту или иную рукопись писцы знали о их существовании. Так как точно такие же подзаголовки есть в «Филострато» и — главное — в авторской рукописи «Тезейды», у В. Перниконе не вызывала сомнений принадлежность этих подзаголовков перу Боккаччо.

Все последующие издания «Фьезоланских нимф» повторяют текст Перниконе (иногда Массеры, мало чем от него отличающийся), внося в него лишь незначительные исправления. Так поступил и Пьер Джорджо Риччи в своем прекрасно комментированном издании поэмы Боккаччо*.

На русский язык «Фьезоланские нимфы» переведены известным поэтом и переводчиком Юрием Никандровичем Верховским (1878–1956). Первое издание перевода вышло в 1934 г. с предисловием А. К. Дживелегова (изд. «Academia»). Затем перевод был дважды переиздан (в 1948 и 1955 гг.) в книге Ю. Верховского «Поэты Возрождения».

* G. Boccaccio. Opere in versi. Corbaccio... A cura di Pier Giorgio Ricci. Milano — Napoli 1965.